

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ АДРЕС МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ, ИЛИ ТРИ НЕЗАКОНЧЕННЫЕ ГЛАВЫ

(День памяти Марины Цветаевой – 31 августа)

...Не вынесла душа поэта

М. Лермонтов

...И к имени моему «Марина» –

Прибавьте: «мученица».

М. Цветаева

Цветаевой стих -

электрическая

дуга,

Да сгубила

Елабуга!

М. Лиознов

Вместо вступления

В такой же последний летний день, только ровно 85 лет назад, 31 августа 1941 года, добровольно ушла из жизни Марина Цветаева, которую многие другие известные литераторы называли самым крупным поэтом XX века. И самым искренним. Стихи Цветаевой – с запредельным надрывом. И это неслучайно, ведь вся ее жизнь – это перехватывающая горло хроника, которая воспринимается как неумолчный возглас-вопрос поэта женщины-матери-жены, обращенный к окружающему миру и бегущему веку – любимому миру и великому веку!

Вот, что ты, милый, сделал мне!

Мой милый, что тебе я сделала?

Надежда Яковлевна Мандельштам – вдова Осипа Мандельштама – сама повидавшая на своем веку немало бед, главу о Цветаевой заканчивает так: «Я не знаю судьбы страшнее, чем у Марины Цветаевой».

В этой статье я приму сокращение Марина Цветаева – МЦ.

(Такое сокращение она не раз употребляла и сама).

Глава 1. НЕПРИКАЯННОСТЬ

Думая о ее судьбе, мне то и дело в голову приходит слово «неприкаянность». И вот почему: я, например, по сути, кроме самого раннего детства жил, да и живу по одному адресу. А теперь попытаемся хотя бы приблизительно пересчитать места жительства МЦ: сначала в столице до революции их было не так много.

1. Отчий дом – Трехпрудный переулок, 8
2. Первая квартира – Сивцев Вражек, 19
3. Чердачный дворец – Борисоглебский переулок, 6.

В эмиграции

Марина Ивановна Цветаева жила за границей в трех странах: Германии, Чехословакии и Франции. Она уехала из Советской России в мае 1922 года вслед за мужем, Сергеем Эфроном, который уехал раньше и учился в Пражском университете.

Германия (Берлин)

Сначала МЦ с дочерью Ариадной приехала в Берлин в середине мая 1922 года. Семья прожила здесь около 11 месяцев. Берлин того времени был одним из центров русской эмиграции. В этот период Цветаева активно включилась в литературную жизнь: познакомилась с Ильей Эренбургом, Андреем Белым и другими деятелями культуры. В Берлине было написано около 30 стихотворений, несколько переводов с немецкого и эпистолярная повесть «Флорентийские ночи». Известно, что в Берлине МЦ жила по двум адресам.

Затем была Чехословакия (Прага и ее многочисленные окрестности).

После Берлина Цветаева с дочерью переехала в Прагу, куда ее муж уехал учиться. Семья поселилась на южной окраине столицы, в долине реки Бороунки. Пражский период (август 1922 – осень 1925 года) стал временем объединения семьи и творческого подъема. Здесь были созданы «Поэма горы», «Поэма конца», «Крысолов», трагедия «Ариадна» и другие произведения. Цветаева активно участвовала в литературной жизни русской диаспоры, печаталась в журналах «Воля России» и «Своими путями». Всего из-за постоянной нехватки денег она сменила в этой стране семь различных квартир!

Франция (Париж)

В ноябре 1925 года семья переехала в Париж. В столице Франции Цветаева прожила почти 14 лет. Здесь она столкнулась с финансовыми трудностями и непониманием со стороны части русской эмиграции. Несмотря на это, она продолжала активно писать, в том числе прозу, которая пользовалась большим успехом, чем стихи. В Париже был издан последний прижизненный сборник «После России» (1928 год). Всего во Франции опять же из-за постоянной бедности она сменила около восьми адресов!

Всего МЦ за 17 лет жизни в эмиграции сменила **ОКОЛО ДВУХ ДЕСЯТКОВ РАЗЛИЧНЫХ АДРЕСОВ!!!**

После эмиграции: Большой Мерзляковский переулок, 16 и Большая Никитская, 6.

А еще были государственная дача в Болшево, дом писателей в подмосковном Голицыно, комната Зоологического музея – на улице Герцена, дом № 6 и, наконец, последняя квартира в Москве – Покровский бульвар, 14/5. То есть, представьте себе, ещё минимум шесть адресов всего за два последних года ее жизни!

Итак, если сделать нехитрый подсчет, то получается, что за свою не очень долгую жизнь – 48 лет – МЦ поменяла около **ТРИДЦАТИ** адресов проживания. Конечно, все это не от хорошей жизни, а именно от **НЕПРИКАЯННОСТИ!**

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫМ АДРЕСОМ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ СТАЛ МАЛЕНЬКИЙ ДОМИК В ЕЛАБУГЕ...

31 АВУСТА 1941 ГОДА ЭТО ЖИЛИЩЕ СТАЛО ЕЕ ПОСЛЕДНИМ АДРЕСОМ...ТАКОВО ГОРЬКОЕ СОВПАДЕНИЕ ЦИФР И ДАТ...

В начале 60- х годов 20 века я часто гостил у моих близких родственников в центре Москвы, на Покровке, в районе знаменитых Чистых прудов. В то время я и не догадывался, что ровно 20 лет назад, этими же улицами, бульварами и переулками спешила или просто бродила великая Марина Цветаева! Что именно здесь она нашла свое последнее московское пристанище!

Мое мнение будет безапелляционно: Цветаеву можно любить или не любить, но сострадать ей невозможно!

Следующее мое ЛИЧНОЕ мнение: стихи – это чужой ЖИВОЙ ОБОБЩЕННЫЙ ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ, ИСКУСНОЕ ОПИСАНИЕ ЛЮДСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ, которое очень ценно для нас, читателей, не только чисто в духовном, эстетическом, но и даже просто в житейском плане. Так вот, читая М.Ц., мы приобщаемся не только к великой поэзии, но и к трагедии повседневной человеческой жизни...

Я, конечно, не буду пытаться охватить своим повествованием все цветаевские адреса, а остановлюсь лишь на трех, но очень важных.

В моей статье не раз будет повторяться рефреном слово «ПОСЛЕДНИЙ»:

1) ПОСЛЕДНИЙ дом Цветаевой в Москве перед отъездом в эмиграцию.

2) Квартира, события в которой послужили поводом для самого ПОСЛЕДНЕГО ее стихотворения.

3) ПОСЛЕДНЕЕ пристанище МЦ в столице перед выездом в эвакуацию, в Елабугу, в августе 1941 года...

Именно вокруг этих трёх московских адресов и будут строиться мои размышления.

Подзаголовком моей статьи стало и такое название – «Три незаконченных главы».

Потому, что каждая глава повествует о жизни МЦ в Москве по определенному адресу, и каждый раз Марина мечтала вернуться сюда опять, и каждый раз думала, что продолжение главы последует...

ГЛАВА № 2 – «ДОМ В БОРИСОГЛЕБСКОМ ПЕРЕУЛКЕ»

Чтобы понять поэта, конечно, нужно окунуться в его детство, но я сделаю это очень бегло, т.к. это – уже отдельная тема.

Марина Цветаева родилась 8 октября 1892 года в Москве. Ее отец Иван Цветаев – доктор римской словесности, историк искусства, почетный член многих университетов и научных обществ, директор Румянцевского музея, основатель Музея изящных искусств (ныне – Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина). Мать Мария Мейн была талантливой пианисткой. Лишенная возможности делать сольную карьеру, она вкладывала всю энергию в то, чтобы вырастить музыкантов из своих детей – Марины и Анастасии. Позже Марина писала о матери: *«Весь дух воспитания – германский. Упоение музыкой, громадный талант (такой игры на рояле и на гитаре я уже не услышу!), способность к языкам, блестящая память, великолепный слог, стихи на русском и немецком языках, занятия живописью»*. После смерти матери – Марине Цветаевой на этот момент было 14 лет – занятия музыкой сошли на нет. Но мелодичность осталась в стихах, которые Цветаева начала писать еще в шестилетнем возрасте – сразу на русском, немецком и французском языках.

А когда ей было всего 14 лет, в 1906, перевела на русский язык драму французского писателя Э. Ростана «Орленок», посвященную трагической судьбе сына Наполеона (ни повесть, ни перевод драмы не сохранились). В литературе ей были особенно дороги произведения Пушкина и творения немецких романтиков, переведенные Жуковским.

На ее первый сборник «Вечерний альбом» откликнулись в печати Валерий Брюсов, Максимилиан Волошин и Николай Гумилев. В Коктебеле, в гостях у Волошина, Марина познакомилась с Сергеем Эфроном, сыном революционеров-народовольцев Якова Эфрона и Елизаветы Дурново. В январе 1912-го они обвенчались.

Марина Цветаева и Сергей Эфрон

Уже первый сборник стихов восемнадцатилетней девушки «Вечерний альбом» стал и первым шагом в творческое бессмертие Цветаевой. В этой книге она определила свое жизненное и литературное кредо – утверждение собственной непохожести и самодостаточности.

Состояние одиночества – одно из наиболее характерных состояний Цветаевой. В юности, а затем в молодости она ощущала одиночество не по годам, тоску по чьей-то заботе, жаждала быть нужной другим и остро страдала от своей ненужности. Конфликт между бытом и бытием, несовместимость небесного и земного, высокого избранничества поэта с его мирским существованием породили это состояние в ней. Этот конфликт пронизывает все ее творчество, приобретая самые разные оттенки, а в центре его – сама Марина Цветаева. Лирическая героиня Цветаевой одинока от несбывшейся любви или дружбы, одинока как поэт, противостоящий миру, одинока в своем мироощущении и миропонимании. С одиночества начинается творческая самостоятельность.

Не находя себя в реальности, она уходила в себя, в свою Душу. *«Вся моя жизнь – роман с собственной душой»*, – говорила она.

В 1912 году у МЦ родилась первая дочь Ариадна, а в 1917 году вторая дочь – Ирина.

С осени 1914 года и до отъезда в эмиграцию в мае 1922 года Цветаева жила в Борисоглебском переулке. (Это был ее последний дом перед эмиграцией).

Марина с ранних лет была уверена, что столица – ее судьба, святыня и царство. Москву Цветаева называла «колокольным семихолмием», «дивным градом», «странноприимным домом», которого не минует ни одна русская душа.

*Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный.
Мы все к тебе придем.*

Главный московский адрес поэтессы наших дней – дом-музей в Борисоглебском переулке, д.6. – наполненный подлинными вещами и свидетельствами биографии Марины Цветаевой и ее близких. В июле этого года мне посчастливилось побывать здесь на прекрасной экскурсии.

Дом-музей М.Цветаевой в Борисоглебском переулке, д.6.

Во время экскурсии по цветаевскому музею меня, конечно, заинтересовала обстановка в ее рабочем кабинете. Он был достаточно аскетичен, и главное место в нем, несомненно, занимал ее письменный стол, о котором она когда-то написала знаменитые строки:

*Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать - столом,
Остался - живым стволом!*

Рабочий кабинет М.Цветаевой в Борисоглебском переулке, д.6.

Я, конечно, заглянул в знаменитый «Чердачный дворец», как называла его сама МЦ – это комната, служившая кабинетом ее мужу Сергею Эфрону. Она находилась на втором этаже их квартиры. Комнатка с двумя небольшими окнами. Одно выходило во двор и из него можно было попасть на крышу первого этажа их дома, как раз над кабинетом Марины. Из второго было видно только небо... Цветаева называла дом в Борисоглебском «Мой чердачный дворец».

Годы жизни в этом доме – расцвет ее творчества.

Квартира Цветаевой здесь была двухэтажной, с нестандартной планировкой, множеством углов, мансардой и выходом на крышу.

«И может быть, всё это – корабль... Да, что-то кораблинное есть в этой квартире – и это такая прелесть... Все комнаты – сами по себе, понимаешь? Это сборище комнат, это не квартира совсем! Как будто часть замка. (...) Как я давно его искала, этот мой дом!..»

В этом доме Цветаева встретила революцию, пережила голодные и холодные годы Гражданской войны. В 1918 году дом «уплотнили» и Цветаева с двумя дочками поселилась сначала в комнате Эфрона, а потом – в бывшей кухне.

Позже она вспоминала: «Мой день: встаю – верхнее окно еле сереет – холод – лужи – пыль от пилы – ведра – кувшины – тряпки – везде детские

платья и рубашки. Пилю. Топлю. Мою в ледяной воде картошку, которую варю в самоваре...»

После революции жизнь Цветаевой в Борисоглебском стала едва выносимой – постоянный голод, холод и нищета. Чтобы не замерзнуть, Цветаевой приходилось пускать на дрова ценную мебель и перебраться жить на кухню. Чудовищные условия жизни вынудили поэтессу отдать дочерей в Кунцевский приют, где в 1920 году умерла младшая дочка Цветаевой Ирина.

Памятник М.Цветаевой напротив дома- музея в Борисоглебском переулке.

«Красная» Москва становилась все более и более враждебной. 11 мая 1922 года Цветаева с дочерью Ариадной уехали из России в поисках мужа и отца – Сергея Эфрона. В этом им помог писатель Илья Эренбург. С этого дома в Борисоглебском закончилась счастливая жизнь МЦ, и начались годы ее бесконечных верст и милей скитаний...

В мае 1922 года супруги встретились в Берлине. Берлин начала 1920-х годов был издательской Меккой русской эмиграции. В 1922–1923 годах у Марины Цветаевой здесь вышло 5 книг. Чуть раньше, в Москве, были

опубликованы сборник «Версты», драматический этюд «Конец Казановы» и поэма-сказка «Царь-девица» – таким получилось прощание с Россией.

После недолгого пребывания в Берлине три года МЦ жила в предместьях Праги. Сергей Эфрон учился в Пражском университете, который предлагал беженцам из России бесплатные места. Цветаева с дочерью отправились за ним в Чехию. Снимать квартиру в Праге было не по карману, поэтому несколько лет ютились в окрестных деревнях.

М. Цветаева с дочерью Ариадной

В Чехии родились знаменитые «Поэма горы» и «Поэма конца», посвящённые Константину Родзевичу, «русские» поэмы-сказки «Молодец», «Переулочки», драма «Ариадна», был начат «Крысолов» – переосмысление немецкой легенды о крысолове из города Гаммельн. В чешской эмиграции начался эпистолярный роман Цветаевой с Борисом Пастернаком, длившийся почти 14 лет.

1 февраля 1925 года у МЦ рождается Георгий или Мур, как любила она его называть. Для родителей – Марины Цветаевой и Сергея Эфрона – это был долгожданный, вымечтанный сын. Тогда же, в 1925 году, после рождения сына Георгия семья переехала в Париж.

Но постепенно за границей разногласия между независимой Мариной Цветаевой и русской интеллигенцией старой закалки становились все более явными. Ее нравы слишком отличались от привычек мэтров, которые здесь царствовали: Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, Владислава Ходасевича и Ивана Бунина. Цветаева перебивалась случайными

заработками: читала лекции, писала статьи, делала переводы. Ситуацию усугубляло то, что эмигранты, в большинстве не принявшие революцию, смотрели косо на Сергея Эфрона, который стал открытым сторонником большевизма, вступил в ряды «Союза возвращения на родину». Эфрон настаивал, что попал в стан белогвардейцев почти случайно. В 1932 году он подал прошение, чтобы получить советский паспорт, и был завербован НКВД.

Первой, в марте 1937 года, в Москву уехала Ариадна Эфрон. Выпускница Высшей школы Лувра, историк искусства и книжный график, она устроилась в советский журнал, который выходил на французском языке. Много писала, переводила. Осенью 1937 года, после участия в устранении советского агента-невозвращенца, бежал в Москву Эфрон. Его поселили на даче в Болшеве и жизнь, казалось, наладилась...

Но еще около двух лет МЦ прожила на чужбине, т.к. она до последнего сомневалась в правильности своего возвращения на Родину. Недаром тогда она написала: *«СССР – не могу же я ехать в глухое, без гласных, в свистящую гушу. Не шучу, от одной мысли душно. В России я поэт без книг, здесь – поэт без читателей. То, что я делаю, никому не нужно...»*

Да, Марина Цветаева не разделяла восторгов своей семьи и надежд на счастливое будущее в Советском Союзе. И все-таки в июне 1939 года решилась и приехала в СССР. Через 2 месяца арестовали Ариадну, а еще через полтора – Сергея Эфрона. Для Марины и четырнадцатилетнего Георгия – по-домашнему Мура – начались мытарства. Жили они то у родственников в Москве, то на даче писательского Дома творчества в Голицыне. Пытались добиться свидания с родственниками или хоть что-то узнать о них...

ГЛАВА № 3 – «ДОМ В АРХАНГЕЛЬСКОМ ПЕРЕУЛКЕ»

Два последних знаменательных цветаевских адреса в столице в 1940–1941 годах: Архангельский переулок и Покровский бульвар. Сначала остановимся на первом из них, ведь именно здесь МЦ встретила свою последнюю любовь...

У нее, конечно, было много романов, именно в них она черпала свое поэтическое вдохновение: Мандельштам, Волошин, естественно, ее муж Сергей Эфрон, Пастернак, которым посвящены многочисленные бессмертные строки.

Знаменитому поэту Максимилиану Волошину она адресовала такие стихи:

*...Только теперь, в подполье,
Вижу, когда потух*

*Свет – до чего мне вольно
Было в охвате двух
Рук твоих...
В первых встречных
Царстве – и сам суди,
Макс, до чего мне вечно
Было в твоей груди!*

Еще до революции, в 1916 году, Осип Мандельштам писал Цветаевой:

*... Как скоро ты смуглянкой стала
И к Спасу бедному пришла,
Не отрываясь, целовала,
А гордою в Москве была.
Нам остается только имя:
Чудесный звук, на долгий срок.
Прими ж ладонями моими
Пересыпаемый песок.*

А чего только стоит ее длительный роман в письмах с Борисом Пастернаком!!! Эти романтические отношения длились более 10 лет! Обязательно найдите и прочитайте эту переписку, и вы поймёте, что значит настоящая ЛЮБОВЬ!

БП писал о ней: «Она была более русской, чем мы все, не только по крови, но и по ритмам, жившим в её душе, по своему огромному и единственному по силе языку...»

Она отвечала ему стихами:

* * *

*Русской ржи от меня поклон,
Полю, где баба застится...
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...*

*Ты в погудке дождей и бед —
То ж, что Гомер в гекзаметре.
Дай мне руку — на весь тот свет!
Здесь мои — обе заняты.*

Ему же посвящены другие бессмертные строки:

*Рас-стояние: вёрсты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели,
По двум разным концам земли.*

Б. Пастернак отвечал МЦ:

«Успокойся, моя безмерно любимая, я тебя люблю совершенно безумно... Сегодня ты в таком испуге, что обидела меня. О, брось, ты ничем, ничем меня не обижала. Ты не обидела бы, а уничтожила меня только в одном случае. Если бы когда-нибудь ты перестала быть мне тем высоким захватывающим другом, какой мне дан в тебе судьбой»

МЦ о нем:

«Борис Пастернак для меня – святыня, это вся моя надежда, то небо за краем земли, то, чего ещё не было..», «Мне нужен Пастернак – Борис – на несколько не вечерних вечеров – и на всю вечность. Если это меня минует – то жизнь и признание – всё впустую... И жить бы с ним я всё равно не сумела, – потому что слишком люблю...», «Ты – мой вершинный брат, всё остальное в моей жизни – аришинное...»

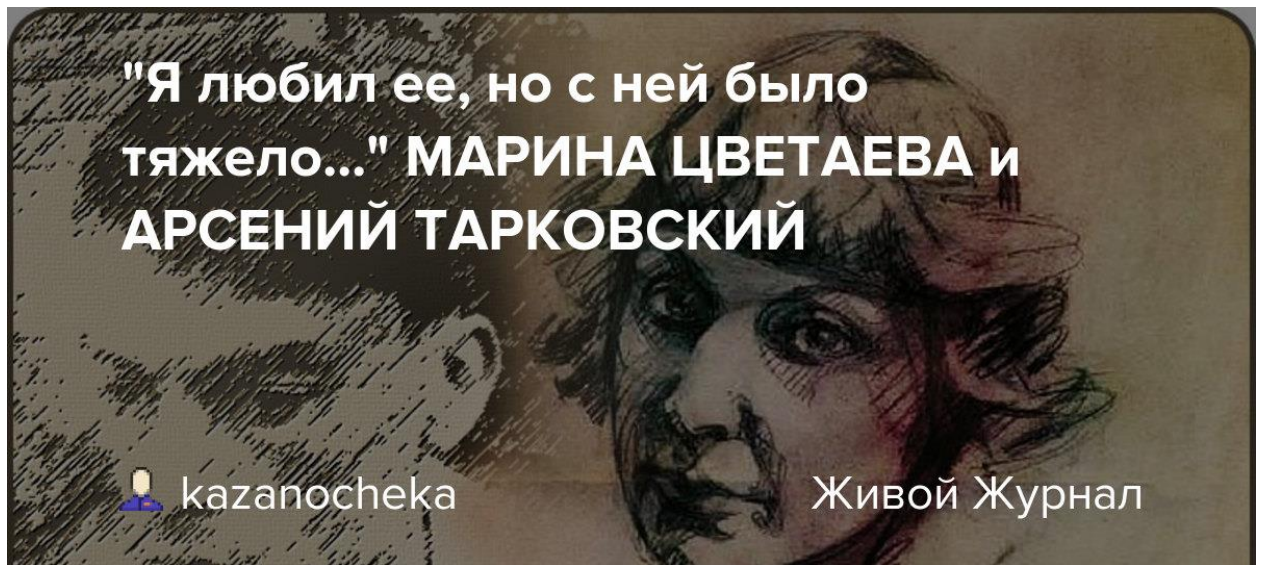
Короткий, но бурный роман был у МЦ за границей и с Константином Родзевичем, которому она посвятила две прекрасные поэмы «Поэма Горы» и «Поэма Конца», ему же адресовано знаменитое стихотворение «Попытка Ревности»:

*Как живется вам с простою
Женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),
Как живется вам – хлопчется –
Ежится? Встается – как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк
Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк.
Рыночною новизною
Сыты ли? К волибам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых Чувств?..
Ну, за голову: счастливы?*

*Нет? В провале без глубин –
Как живет, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?*

Но именно здесь, в Архангельском переулке, в доме 9, кв.11. рядом с прекрасными и незабвенными Чистыми прудами она встретила свое последнее увлечение...

И вот мы уже подошли к тому дому, где Марина встретила свою ПОСЛЕДНЮЮ ЛЮБОВЬ и, где родился сюжет её ПОСЛЕДНЕГО стихотворения...

В самом конце первого письма ещё незнакомому лично Тарковскому, в 1940 году, МЦ напишет: *«Всякая рукопись – беззащитна. Я вся – рукопись...»*

Именно здесь, в Архангельском переулке, Марина Цветаева и Арсений Тарковский впервые увидели друг друга осенью 1940 года в доме своей общей знакомой – переводчицы Нины Яковлевой. Она позже вспоминала: *«Они познакомились у меня в доме. Мне хорошо запомнился этот день. Я зачем-то вышла из комнаты. Когда я вернулась, они сидели рядом на диване. По их взволнованным лицам я поняла: так было у Дункан с Есениным. Встретились, взметнулись, метнулись. Поэт к поэту...»* Тарковский был намного (на 15 лет!) моложе ее, но сначала также страстно полюбил ее, однако у него была своя большая семья – ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕК (ЖЕНА, ДЕТИ). Их он бросить ради МЦ никак не мог. Вскоре наступило охлаждение...

6 марта 1941 г. Марина Цветаева напишет свое последнее стихотворение, вдохновителем и адресатом которого станет Арсений

Тарковский. Если коротко – оно о том, что в семье Тарковского из ШЕСТИ человек ей – СЕДЬМОЙ – не нашлось места! На его стихотворение «*Я стол накрыл на шестерых*», она отвечает своим: «*Все повторяю первый стих*».

Все повторяю первый стих
И все переправляю слово:
– «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл – седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально – им, печален – сам,
Непозванная – всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьете.
– Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счете?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий –
Ты сам – с женой, отец и мать)
Есть семеро – раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых –
Быть призраком хочу – с твоими,

(Своими)..
Робкая как вор,
О – *ни души* не задевая! –
За непоставленный прибор

Сажусь незванная, седьмая.

Раз! – опрокинула стакан!
И все, что жаждало пролиться, –
Вся соль из глаз, вся кровь из ран –
Со скатерти – на половицы.

И – гроба нет! Разлуки – нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть – на свадебный обед,
Я – жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг – и все же укоряю:
– Ты, стол накрывший на шесть – душ,
Меня не посадивший – с краю.

6 марта 1941

«Вся соль из глаз, вся кровь из ран,
Я — жизнь, пришедшая на ужин», – какие же все эти и многие другие
мужественные, но в то же время полные отчаяния и горечи строки!...

ГЛАВА № 3 – «ПОКРОВСКИЙ БУЛЬВАР»

А теперь вернемся немного назад: итак, 18 июня 1939 года в СССР из эмиграции вернулась Марина Цветаева. С этого дня началась самая драматическая, хотя и короткая, часть «романа» поэтессы с родиной.

27 августа 1939 г. Ариадну Эфрон арестовали, под пытками она дала признательные показания и была осуждена за «шпионаж» на 8 лет лагерей... 10 октября этого же года арестовали Сергея Яковлевича Эфрона. От дочери Цветаева еще успеет получить весной 1941 года несколько писем – из лагеря в Коми АССР (Севжелдорлага), от мужа – уже никогда, ни строчки.

Начинаются бесконечные мытарства без постоянного жилья. С июня 1939 по сентябрь 1940 года МЦ кочует из одного жилища к другому, везде на птичьих правах, с боязнью быть выселенной в любую минуту. Сначала это были московские пригороды: Болшево, Голицино, потом в самой столице комната в Зоологическом музее – на улице Герцена, дом № 6, квартира 20, комнатка в Мерзляковском переулке (у сестры Сергея Эфрона)...

И вот, наконец, последняя квартира на Покровке!!!

Последний московский адрес МЦ - Покровский бульвар, дом № 14/5.

С конца августа 1940 года и до самого отъезда в эвакуацию Цветаева будет жить на Покровском бульваре, дом № 14/5, где с помощью друзей ей удастся снять комнату. Это последний московский адрес Марины Ивановны Цветаевой. На Покровском бульваре Цветаева снимала 14-метровую комнату в трехкомнатной квартире ученого Шукста. Дочь Шукста, Ида, вспоминала: *«Мы жили на Покровском бульваре дом 14/5, угол Трехсвятительского переулка, квартира 62. Это был так называемый «второй дом Совнаркома», в нем селились люди, занимавшие видные посты в государстве, – и такие ученые, как мой отец».*

Марина Ивановна проживала здесь вместе с сыном, «умным и суровым Муром». Она внесла деньги сразу за год вперед, продав свои вещи. Лифтом никогда не пользовалась, хотя квартира была на шестом этаже. Дом на Покровском бульваре – немой свидетель последнего трагического года жизни Цветаевой.

МЦ ходила по Покровке в 1940-1941 годах. Спустя 20 лет, в 60-х, я часто шел по ее следам...

В этот период она преимущественно занималась переводами, а стихи, написанные в эмиграции, читала близким знакомым и друзьям. Например, последнее ее выступление было за день до начала войны – 21 июня 1941 года. Отсюда было довольно близко и до Архангельского переулка, куда она ходила пешком к А. Тарковскому.

Увы, коренная москвичка Цветаева, после возвращения из эмиграции чувствовала свою «несовместимость» с Москвой. Незадолго до переезда на Покровский бульвар, в августе 1940 года, она написала пророческие строки: *«Мы Москву задарили, но Москва меня не вмещает...»*

Из этой квартиры М. Цветаева направилась дважды, 7 и 8 июня 1941 года, на встречу с А. Ахматовой. Здесь она узнала о начале войны.

Увы, московские писатели и столичные бюрократы, мягко говоря, неласково относились в этот последний её период к МЦ...

Это был уже не ее город, это была не ее княгинюшка, столица-красавица, разумница, которой адресовались ее «стихи о Москве», эта Москва отобрала ее семью, и эта Москва, по сути, задушила ее саму...

Осенью 40-го года она нередко гуляла с сыном и знакомыми на Чистых прудах, месте, которое находились буквально в пяти минутах от ее последней московской квартиры...

Она часто бывает на людях, в гостях, с ней многие хотят познакомиться, началась «круговерть ее стихов по Москве». Конечно, это был узкий круг, по словам Пастернака, но иначе и быть не могло: стихи ее не печатали, публичных выступлений не было. Да и новых стихов почти не

писалось. В этот последний год жизни МЦ опять познала бедность и отчуждение большинства известных литераторов, которые всячески избегали встреч с недавней эмигранткой.

Выживала, в основном, за счёт переводов из знаменитых поэтов – Байрона, Бодлера, Адама Мицкевича. *«Мечтала о большой аудитории, о большом читателе! Теперь носит передачи, как все, как очень многие, и стихов больше не пишет»*, – говорил в частной беседе Борис Леонидович, хорошо знавший, как мучительно для поэта молчание.

И все это время продолжают страстные поиски Цветаевой арестованных дочери и мужа, ее попытки найти их в тюрьме, бесконечное желание прорваться к тюремному окошку, передать хоть какую-нибудь посылку. Это было страшно!

Осенью и зимой 40-го года, 10-го числа каждого месяца, МЦ носила передачу С. Эфрону, 27-го – дочери Ариадне... В те дни одно из писем заканчивает пророческими словами: *«Я недолго буду жить. Знаю.»*...

Да, московскому «узкому кругу» заграничные стихи Цветаевой были почти неизвестны и поэтому интересны. «Она была на очень высоком счету в интеллигентском обществе и среди понимающих, входила в моду», – писал Пастернак жене после смерти Марины Ивановны. Наверное, поэтому он «отошел от нее, не навязывался ей» в этот период, хотя по-прежнему оставался в курсе ее дел и проблем. Зная о желании Цветаевой встретиться с Ахматовой, он сообщает об этом приехавшей в Москву Анне Андреевне, и та принимает Марину Ивановну. К сожалению, произошла еще одна «невстреча»...

«Поглотила любимых пучина, и разграблен родительский дом». Один за другим сгинули в пучине Гулага сестра, муж, дочь. Вестей от них нет. У Марины не осталось никого – только Мур. Отец называл его *«Марин Цветаев»*, так как сын и строптивым норовом, и одаренностью вышел в мать. Но эта похожесть не мешала ему, молодому «парижанину», сопротивляться ее тиранической опеке. *«Вы похожи на страшную больную деревенскую старуху!»*, – кидает он ей.

Ровно за год до смерти, 31 августа 1940 года, МЦ пишет большое письмо своей знакомой Вере Меркурьевой, в котором изливает ей свою душу и из которого многое становится ясным в ее судьбе в последний год жизни. Вот лишь несколько цитат из него:

Москва, 31-го августа 1940 г.

Дорогая Вера Александровна, Моя жизнь очень плохая. Моя нежизнь. Вчера ушла с улицы Герцена, где нам было очень хорошо, во временно-пустую крохотную комнатку в Мерзляковском переулке. Весь груз

(колоссальный, все еще непомерный, несмотря на полный месяц распродаж и раздач) оставили на улице Герцена – до 15-го сентября, в пустой комнате одного из профессоров. – А дальше??? – ... Словом, Москва меня не вмещает.

Мне некого винить. И себя не виню, п.ч. это была моя судьба. Только – чем кончится?? Я свое написала. Могла бы, конечно, еще, но свободно могу не. Кстати, уже больше месяца не перевозжу ничего, просто не притрагиваюсь к тетради: таможня, багаж, продажи, подарки (кому – что), беганье по объявлениям (дала четыре – и ничего не вышло) — сейчас – переезд... И – доколе?

Хорошо, не я одна... Да, но мой отец поставил Музей Изящных Искусств – один на всю страну – он основатель и собиратель, его труд – 14-ти лет, – о себе говорить не буду, нет, все-таки скажу – я не могу, не кривя душой, отождествить себя с любым колхозником – или одесситом – на которого тоже не нашлось места в Москве.

Я не могу вытравить из себя чувства – права. Не говоря уже о том, что в бывшем Румянцевском Музее три наши библиотеки: деда: Александра Даниловича Мейна, матери: Марии Александровны Цветаевой, и отца: Ивана Владимировича Цветаева. Мы Москву – задали. А она меня вышвыривает: извергает. И кто она такая, чтобы передо мной гордиться?

Мне – совестно: что я еще жива. Так себя должны чувствовать столетние (умные) старухи...».

Одно из последних фото М. Цветаевой

Когда думаешь о судьбе МЦ, то понимаешь, что вся ее жизнь — это цепь непрерывных метаний: от человека к человеку, от любви к любви, от страны в страну. Она металась по чужим углам, живя благополучно только в молодости имея тот дом в Борисоглебском... Металась, решая ехать или нет к мужу за границу в начале 20-х, потом по Парижу и Праге, думая, возвращаться в Россию или нет, но тогда на Родине ее ждал Сергей Эфрон, ей было к кому ехать, а теперь, после ареста и мужа, и дочери, она металась по Москве, под бомбежками, не зная, ехать или не ехать, и куда, к кому?

НЕКУДА!!! Она была ОДНА в своем ужасе, страхе, в своей беспомощности, в своей нерешительности. Ведь ко всему прочему у нее прикладывались и свои особые обстоятельства: ее положение бывшей эмигрантки, жены и матери репрессированных!

Кроме панического страха за сына – нищета, бездомность, скитальчество по чужим углам. Все, кто знал ее в ту пору, вспоминают о ней почти одними и теми же словами: преобладание серых тонов в одежде, низкие каблуки, широкий пояс, янтарные бусы; руки – в серебряных, словно бы скифских, степных браслетах; нездешняя, «парижская», хотя и застиранная косыночка на шее... Общее впечатление – нищая элегантность. Многие вспоминают, что походка у нее была прямая, твердая, почти мужская. Поэт Семен Липкин свидетельствовал, что особенно тверд ее шаг стал, когда они пошли в Музей изобразительных искусств, созданный когда-то ее отцом, Иваном Цветаевым. Был декабрь 40-го... Дочку основателя никто не опознал, они долго бродили по египетскому залу, а потом направились в столовую Метростроя – их еще называли «обжорками» – есть суточные щи из кислой капусты...

Прежних ее стихов в России не печатают. Новые не пишутся. В октябре 40-го она заносит в записную книжку: *«...Никто не видит, не знает, что я год уже ищу глазами – крюк, но их нет, потому что везде электричество. Никаких «люстр». Я не хочу умереть. Я хочу не быть...»*

Свои неповторимые, волшебные, мудрые, сердечные письма МЦ всегда начинала с места и даты написания. Вот, например:

«Москва, Покровский бульвар, д.14/5, кв.62. 17-го ноября 1940г. воскресенье.

Все дело в том, что мы любили, чтобы у нас билось сердце – хотя бы разбивалось вдребезги! Я всегда разбивалась вдребезги, и все мои стихи – те самые серебряные сердечные дребезги!.. Я, когда не люблю – не я. Я так давно – не я...»

О войне МЦ узнала на улице, когда шла по Покровскому бульвару – услышала известие по радио, звучащего из окна... Отсюда 8 августа 1941 года она уехала с Муром в свой последний путь – в эвакуацию в Елабугу. Провожających двое – Борис Пастернак и Виктор Боков. У Цветаевой плохо заперся чемодан, и она накануне говорила об этом Пастернаку, и он, не забыв, принес с собой бечевку. Чемодан перевязали. А бечевка эта ей потом пригодилась, в Елабуге....

Послесловие

Марина Ивановна с 16-летним сыном прибыли в Елабугу на пароходе 17 августа 1941 года. Путь занял 10 дней, Мур писал, что спать приходилось сидя, в темноте и вони. Пока ждали прописки, ночевали в библиотечном техникуме. В маленький дом по ул. Ворошилова, 10, переехали только 21 августа.

Георгий (Мур) Эфрон – сын Марины Цветаевой. Елабуга. 1941 год

Супруги Бродельщиковы выделили постояльцам даже не комнату, а угол — часть горницы за перегородкой. Хозяйку звали Анастасия Ивановна, как и младшую сестру Цветаевой, и поэт приняла это за добрый знак. Только присела на диван: *«Все, устала. Дальше не пойду»*.

Но ходить пришлось много. Хозяйка вспоминала, что Марина Ивановна каждый день уходила из дома на поиски работы. Ещё на пароходе стало ясно, что у многих эвакуированных была поддержка — родня, деньги. Цветаева же осталась одна. Впереди была зима, а с собой у неё было всего 600 руб. На что жить? Где искать работу? Как за спасительную соломинку

она ухватилась за слова Флоры Лейтес, жены писателя Александра Лейтеса. Та обещала похлопотать о прописке в Чистополе и сообщить телеграммой, но весточки все не было.

«Настроение у нее – отвратительное, самое пессимистическое, – вспоминал Мур. – Настроение у нее – самоубийственное: «деньги тают, работы нет».

За 15 дней в эвакуации она даже не успела распаковать багаж, а сколько пережила, сколько контор обошла в поисках работы и жилья, скольких известных людей просила о помощи. Увы, никто не смог уберечь ее от последнего шага.

Ее отпели почти через полвека, назвав трагедию ее гибели «убийством от режима».

Она рассчитывала, что ее примут посудомойкой в писательскую столовую в соседнем Чистополе, но получить это место было непросто, так как в войну многие хотели быть ближе к кухне, к еде. Современницы только разводили руками, мол, как объяснить Цветаевой, что место судомойки на кухне в те дни было завиднее места поэта?

Ниже я привожу копию ее заявления по этому поводу.

«В Совет Литфонда

Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда.

М. Цветаева.

26-го августа 1941 г.»

Хозяева часто слышали, как мать с сыном ссорились, громко переговариваясь на незнакомом языке (французском). Мур не хотел жить в Елабуге. Корил ее тем, что она, против воли, вывезла его из Москвы. У него там был свой круг, друзья и подруги. А в Елабуге не было ничего, кроме спиртового завода. Не было даже школы. Он требовал, чтобы она прописалась в Чистополе, где жили семьи эвакуированных московских писателей. Но там выхлопотать даже место посудомойки в писательской столовой для МЦ не удалось...

В одну из таких ссор прозвучали эти страшные слова Мура: *«Ну, кого-нибудь из нас вынесут отсюда вперед ногами!»* Сына она любила рабски. Поэтому вынесли ее... *«Пока я нужна».* Мур был последним, кто хоть как-то привязывал ее к жизни. Ощувив свою ненужность, она освободила его от себя. Не умея спасти его, верила, что сироте помогут скорее, чем сыну Эфрона и Цветаевой.

Причины смерти

Всмотримся в лицо МЦ разной поры: если на фотографиях в молодости (*Марина за фортепьяно, рядом с женихом С. Эфроном*) перед нами даже чуть полноватое, округлое лицо, то в период эмиграции мы видим худой орлиный профиль, а в последние годы – просто седое изможденное страданиями лицо...

Цветаева шла к гибели всю жизнь. Неважно, что это случилось 31 августа 1941 года. Могло быть и гораздо раньше. Недаром же она писала после смерти Маяковского: *«Самоубийство – не там, где его видят, и длится оно не спуск курка».*

Трагическая судьба

Измученная,
безработная и
одинокая поэтесса
31 августа 1941
покончила с собой.

Всего-навсего 31-го никого не было дома, а обычно изба полна народу. Вдруг случай – осталась одна, вот и воспользовалась им.

Да, жизнь давила на Цветаеву постоянно, хоть и с разной силой. Осенью 1940 года она записывала: *«Никто не видит – не понимает, что я год уже (приблизительно) ищу глазами крюк. Я год примеряю смерть».*

А вот еще раньше, еще в Париже: *«Я хотела бы умереть, но приходится жить для Мура».*

Постоянная неустроенность жизни, неуют медленно, но верно делали свое дело: *«Жизнь, что я видела от нее кроме помоев и помоек, и как я,*

будучи в здравом уме, могу ее любить?..» Эти строки были написаны ею не в августе 1941 года, а еще 3-го декабря 1924 года!

Ей не было места в эмиграции, не было места на Родине. В современности вообще.

Когда началась война, Цветаева говорила, что очень бы хотела поменяться местами с Маяковским. А плывя на пароходе в Елабугу, стоя на борту парохода, она говорила: *«Вот так – один шаг, и все кончено»*. То есть, она постоянно ощущала себя на грани. *«Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она была одно страдание»*, – рассказывал позже в письме Мур о последних днях матери.

Обнаружила ее хозяйка, вернувшись с работы, в сенях дома на балке. Есть легенда, что в тот роковой день поэт использовала веревку, которую дал ей Борис Пастернак для связки багажа...

Дом в Елабуге, последний земной адрес Марины Цветаевой

В предсмертных записках она просила позаботиться о сыне.

Запись из дневника Мура за 5 сентября, 1941-года:

«За эти 5 дней произошли события, потрясшие и перевернувшие всю мою жизнь. 31-го августа мать покончила с собой – повесилась. Узнал я это, приходя с работы на аэродроме, куда меня мобилизовали. Мать последние дни часто говорила о самоубийстве, прося ее «освободить». И кончила с собой. Оставила 3 письма: мне, Асееву и эвакуированным.

Содержание письма ко мне:

«Мурлыга! Прости меня. Но дальше было бы хуже. Я тяжело-больна, это – уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але – если увидишь – что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик».

Письмо к Асееву:

«Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь – просто взять его в сыновья – и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 р. и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжечек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына – заслуживает. А меня – простите. Не вынесла. МЦ. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете – увезите с собой. Не бросайте!»

Письмо к эвакуированным:

«Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н.Н. Асееву. Пароходы – страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом – сложить и довести. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте»»

Похоронили поэтессу в Елабуге на Петропавловском кладбище, но где именно находится могила, неизвестно. Прямых потомков Марины Цветаевой нет – ни у Георгия, ни у Ариадны не было своих детей.

На похороны, по словам хозяев, никто не пошел. Мура тоже не было, хотя в этот день он еще был в Елабуге. Кладбищенские книги в то время не велись, поэтому могила Цветаевой неизвестна.

Трагична судьба не только МЦ, но и её близких:

Её младшая дочь Ирина, совсем крохой умерла в голодной и холодной Москве, во время Гражданской войны, февральской ночью 1920 года в Кунцевском приюте...

По мнению сестры Анастасии Ивановны Цветаевой, последней каплей стала брошенная Муром в порыве раздражения фраза: *«Кого-то из нас вынесут отсюда вперед ногами»*. Цветаева решает встать между сыном и смертью, решает уйти, дав ему дорогу.

Ее сын Георгий (Мур) пережил мать на 3 года: в 1944-м был призван в армию. Он погиб летом того же года.

Мужа Сергея Эфрона расстреляли «органы» в октябре 1941 года.

Дочь Ариадна провела 8 лет в исправительно-трудовых лагерях и 6 лет в ссылке в Туруханском районе, в 1955 году была реабилитирована. После ее смерти в 1975 году прямых потомков у Марины Цветаевой не осталось...

Памятник Марине Цветаевой, который стоит на кладбище в Елабуге сразу у входа, всего лишь указатель, что она покоится где-то в этом месте кладбища. Анастасия Ивановна Цветаева, приехав в Елабугу в 1960 году, пометила то место, где были захоронения 41-года, крестом с надписью: *«В этой стороне кладбища похоронена Марина Цветаева»*.

Может быть, в том, что настоящей могилы ее не существует, есть некий знак судьбы, приведший к исполнению ее истиной воли. Ибо задолго до смерти, придумывая себе эпитафию, она завещала в очерке «Хлыстовки»:

«Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили, с тарусской каменоломни, камень: «Здесь хотела бы лежать МАРИНА ЦВЕТАЕВА».

В 1988 году, на высоком берегу Оки, в том месте, где во времена цветаевского детства было хлыстовское кладбище, установлен камень из тарусского доломита с надписью *«Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева»*. Так, спустя более 50 лет, исполнилось ее воля.

*Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!
Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлёт на мою лебединую душу!*

*Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорезь...
– Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!*

Или ещё другие строки, написанные ещё задолго до смерти:

*Даны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать Судьба.*

Устам платила я щедрой данью,

*Я розы сыпала на гроба...
Но на бегу меня тяжелой дланью
Схватила за волосы Судьба!*

*Как билась в своем плену
От скрученности и скрюченности.
И к имени моему «Марина» –
Прибавьте: «мученица».*

Мученице Марине Цветаевой я посвящаю не только эту статью, но и своё стихотворение, которое родилось, пока я собирал материалы для этой работы, пока думал над её трагической судьбой и ездил в Москву, прикасаясь к её адресам в столице...

* * *

*Марина! Научи писать стихи
Без слов заученных трухи,
Чтоб к горлу – ком, чтоб в строчки – вбей:
«Отказываюсь – быть в Бедламе нелюдей!»*

*...Обвиняли в смертных грехах:
И что путь её был беспутен,
И что младшую дочь не спасла –
Погубила, оставив в приюте...*

*Лебединый воспела стан
Белой гвардии – белой кости!
Эмиграция, голод, тоска
По России рябиновым гроздьям.*

*Возвращение. Снова Москва:
Муж расстрелян и дочь под арестом.
В каждой строчке такая тоска,
Что себе не находит места.*

*...Прощай, мой последний бульвар, мой Покровский,
Борисоглебский корабль, прости!
Прощай, мой Архангельский, там, где Тарковский
Смог сосчитать только лишь до шести...*

*Два последних года без сна...
...Вы судить её быстро сноровисты,
Напишите хоть раз, как она,
А потом уж судите по совести!*

*Бесконечно горьки слова:
Нет «Москва не вмещает меня»!
Ничего не держит. Пора:
Ждут в Елабуге крюк да петля...*

*Ах, как страшно, как горько!
Всё: последний отказ –
Не сказали «Постой-ка»
Королеве стихов –
Недостойной быть судомойкой....*

*...И пальцы державшие дрожь фортепьяно,
И пальцы, листавшие томик Ростана,
И пальцы, рифмы ловившие ловко,
На горле затянут верёвку...*

*«Рас-стояние: версты, мили...»:
Твою жизнь без следа растворили,
Только разве вместить в трафареты
Бесконечную душу Поэта!*

Меня не покидает мысль о том, что в жизни МЦ всё могло сложиться иначе, если бы она не уехала в Елабугу, а осталась в Москве, пережила лихие военные времена, противоречивые 50-е годы, а в 60-е, когда наступила оттепель, она бы собирала стадионы поклонников и наравне с Ахматовой Оксфордский университет присвоил бы ей почётную степень доктора литературы...

Конечно, вы скажите —«это пустые фантазии в сослагательном наклонении», и всё-таки сравните:

Годы жизни Анны Андреевны Ахматовой: 1889–1966, то есть она прожила 76 лет.

Годы жизни Марины Ивановны Цветаевой: 1892 – 31 августа 1941, она была моложе Анны Андреевны на 3 года, однако жизнь, а вернее, она сама себе отмерила всего 48 лет.

Замечательный русский писатель Константин Паустовский в своем рассказе «Ларовый венок» так сказал о МЦ.: «Блестящая поэзия Марины Цветаевой живет и будет жить во славу своей страны. Жизнь ее была тревожной и тяжелой. Судьба обошлась с поэтессой безжалостно.

Великолепные стихи, тютчевской глубины и силы, живой и весомый, полновесный, как зерно, русский язык, головокружение у встречающих людей от душевной цветаевской прелести, дочерняя любовь к России, по которой Марина Цветаева «заплачет и в раю», сплошная вереница горестей и

несчастий, все время тонущая в веренице блестящих стихотворных и прозаических книг, — вот главное в жизни Цветаевой».

*Могила Марины Цветаевой в Елабуге
(предполагаемое место захоронения)*

И в заключение вспомню еще одно стихотворение МЦ – «Реквием». Только представьте, что его она написала в 1913 году, и ей тогда едва исполнился 21 год – обычный студенческий возраст по нынешним временам...

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет все – как будто бы под небом
И не было меня!..
– К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.
За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...

– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

...Я люблю ваши стихи, МАРИНА ЦВЕТАЕВА, и скорблю всем сердцем по трагедии вашей жизни... Для меня вы и сегодня «живее всех живых»!

*И КАЖДЫЙ ГОД ТРИДЦАТЬ ПЕРВОГО АВГУСТА Я БУДУ
ВСПОМИНАТЬ ЕЕ ТОТ САМЫЙ – ПОСЛЕДНИЙ - ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
АДРЕС В ЕЛАБУГЕ...*

*Нескончаемая очередь в дом- музей Марины Цветаевой
в Борисоглебском переулке в Москве.*

Михаил Лиознов, член Брянской писательской организации,
писатель, литературовед, многолетний исследователь
жизни и творчества Марины Цветаевой.
Ведущий авторской рубрики «Поэзия- вся – езда в незнаемое»